

УДК 94(47)"1825.12.14"

В.Я. Мауль

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)**

Описываются хозяйственные занятия участников восстания декабристов, сосланных в Сибирь на каторгу и поселение. Показаны типичные и специфические черты их деятельности в сопоставлении с другими секретными узниками сибирских тюрем и ссылок XVIII – начала XIX в. в области земледелия, ремесленного производства и т.д.

Ключевые слова: Сибирь, декабристы, хозяйственная деятельность, просвещение.

Ставя своей задачей придать стране императивный импульс, декабристы предлагали ряд перемен, на которые не решалась пойти существующая власть: ликвидацию крепостного права и самодержавия (но не обязательно монархии), введение конституции и др. Попыткой достижения этих целей и явились события 14 декабря. Они закончились провалом, хотя мятежники могли, как считал Н.Я. Эйдельман, «взять власть – вероятность была, и, полагаем, немалая» [1. С. 99]. После подавления заговора начался мученический путь декабристов от Сенатской площади в Петербурге на сибирскую каторгу и ссылку, где им, наконец, довелось реализовать свои многочисленные задумки и возможности. Вклад декабристов в историко-культурное и хозяйственное развитие Сибири оказался неожиданно, и, прежде всего, для них самих, значительным. Впрочем, судьба декабристов не была чем-то исключительным для неудачников, проигравших свою политическую игру. Дорога, которой они отправлялись в Сибирь, была проторена многочисленными сиятельными предшественниками – жертвами «дворских бурь» предыдущего века, которые многое могли бы рассказать им о Березове, Пелыме, Нерчинске, Таре и других «дальних городах» и «заводах».

Изучавший репрессивную историю России XVIII столетия Е.В. Анисимов пришел к выводу, что «в назначении тех или иных городов для поселения ссыльных не было никакой системы», поэтому «выбор города или зимовья для ссылки зависел от случайности – главное, считала власть, чтобы преступники жили подальше от центра, а также друг от друга, да и не могли сбежать» [2. С. 633].

Вероятно, так было и в случае с декабристами. Почти все они ничего не знали о Сибири до осуждения на каторгу и поселение. Как и для большинства россиян того времени, она для них представлялась чем-то холодным, мрачным, не приспособленным для жизни, местом медленной смерти для преступников. Тем неожиданнее для декабристов оказались природные богатства огромного края, зажиточность сибиряков, их радушное отношение к государственным преступникам. А.Е. Розен почти с восторгом описывал природу Забайкалья: «Вообще климат был самый здоровый; растительная сила была невероятная, оттого в пять недель, от июня, когда прекращались ночные морозы, до половины июля, когда начинались осенние морозы, спевавали хлеб и овощи» [3. С. 233].

Н.В. Басаргин, отмечая различия в социальной структуре Сибири и России, обращал внимание на отсутствие здесь дворянства, что избавляло край от «значительного числа непроеводительных лиц и капиталов», но лишало Сибирь хотя бы косвенного общественного контроля над чиновниками. Совершенно по-другому он оценивал влияние на сибирских крестьян их свободного положения: «Отсутствие крепостного состояния благотворительно действует на быт низшего класса, т.е. крестьян. Здесь, в Сибири, они гораздо смысленнее, гораздо зажиточнее, гораздо выше в общественном значении, нежели крестьяне русские. Их разделяет меньшее расстояние от высшего сословия, они гораздо независимее, свободнее в сношениях с ними, и переход из одного сословия в другое совершается гораздо легче» [4. С. 211–212].

Несмотря на непривычные, тяжкие и невыносимые условия жизни, дух декабристов не был сломлен жестокими репрессиями. Блестящие офицеры, утонченные аристократы, богатые помещики и «средне-достаточные» чиновники, попав в экстремальные условия острогов и каторжных работ, устроили свою «академию», в которой учились друг у друга истории, иностранным языкам, философии, литературе, пытались продолжать научные занятия. Им помогали «секретные барыни», последовавшие в Сибирь за мужьями декабристки. Обитатели острогов и их жены стали первыми историками событий 14 декабря и последующей своей судьбы, написав воспоминания, часть из которых уцелела [5. С. 90–92].

Находясь на каторге, декабристы заключили своего рода «джентльменское соглашение»: не позволять себе ни малейших замечаний или упреков в том, кто и как вел себя во время следствия, хотя многие понесли тяжкие наказания вследствие «неосторожных показаний или недостатка твердости ко-го-либо из товарищей» [6. С. 228].

Это диктовалось необходимостью создания человеческих условий существования, единственно позволяющих им выжить и сохраниться как личностям, создания человеческого мира для существования людей, «у которых осуждение не смогло отнять их прежних понятий и чувств» [4. С. 130].

В Читинском, а затем в Петровском казематах сложилось особое декабристское сообщество – так называемая большая семья. В нее входили как сами ссыльные декабристы, так и их дети, родные, воспитанники, близкие друзья. Рассеянные по всей Сибири, декабристы составляли как будто одно семейство, переписывались друг с другом, знали, где и в каком положении каждый из них находится, и, насколько было возможно, помогали друг другу. Они жили в атмосфере дружбы, идейного взаимопонимания, уважения к товарищам по борьбе, и каждый готов был поддержать другого как материально, так и нравственно. В.И. Штейнгейль в одном из писем из Елани подчеркивал: «... в тюрьме составленная связь ... есть самая прочная и едва ли уступает самому нежному родству» [7. Т. 1. С. 235].

В сибирских казематах декабристами была организована своеобразная кооперация: сначала «Большая артель», а затем и «Малая артель». Они имели главным своим назначением материальную помощь малоимущим братьям. У них действовали свои цирюльня и аптека, огород, они закупали и откармливали скот, шили и ремонтировали одежду и обувь. Ранее не знав-

шие физического труда ссыльные Бестужевы шили фуражки, Муравьев был токарем, Трубецкой штопал чулки, Оболенский кроил одежду, Раевский впервые в Прибайкалье выращивал арбузы. Приобретенный опыт большинство декабристов с успехом использовали и приумножили на поселении. Артели помогли всем членам декабристского сообщества без каких-либо различий, здесь все пользовались равными правами и могли получать равные выдачи, взносы же делались в зависимости от возможностей каждого.

Через родных и знакомых декабристы выписывали из Европы семена и распространяли их среди крестьян, сажали деревья, разводили цветники. В селах Урик, Усть-Куда, Хомутово, Олонки появились большие огороды с парниками. Деревья, посаженные Раевским, сохранились до сих пор. Многие декабристы вынуждены были искать дополнительные источники дохода, занимаясь непривычными для себя делами. Например, Розен занимался в Западной Сибири хлебопашеством, Д.И. Завалишин в Восточной Сибири – огородничеством, И.Б. Аврамов торговал в Туруханском крае хлебом, Ф.Ф. Вадковский – разными товарами в Енисейской губернии, А.И. Якубович и И.И. Пущин пытались заниматься золотопромышленностью. Список декабристов, которые с разной степенью успешности занимались в Сибири коммерческой деятельностью, можно многократно увеличить: «Заниматься предпринимательством в Сибири многих ссыльных декабристов заставляла самая настоящая нужда», – делает вывод современный исследователь [8. С. 143].

Среди декабристов были талантливые поэты, критики, физики, техники, инженеры, мореплаватели, путешественники. Они явились исследователями быта, нравов, языка, устного народного творчества сибирских народов, изучали природу, растительный и животный мир Сибири. Выдающийся публицист М.С. Лунин написал «Историческую записку об Анадырском остроге»; Михаил Бестужев – исторический очерк возникновения и развития Селенгинска. Опубликованный в 1861 г. очерк ссыльного декабриста долгие годы являлся единственным источником сведений об этом городе. Ценные материалы по истории Сибири были в разное время собраны и под различными псевдонимами опубликованы Штейнгелем. Он написал «Историю русских заселений на берегах Восточного океана», сделал статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии, где статистика и экономика идут рука об руку с этнографией.

Впрочем, подобным же образом вели себя в Сибири и аристократические политические узники XVIII столетия. Так, например, Б.-Х. Миних в ссылке трудился, не покладая рук: огородничал, косил, ловил рыбу, разводил кур, открыл для местных детей школу, где учил их математике, геометрии, инженерному делу, древней истории и даже латыни. Сочинял проекты о переустройстве России. Двадцать лет пробыл Миних в Пелыме, молясь Богу, читая священное писание, ревностно посещая богослужение, которое, после смерти бывшего при нем пастора, совершал сам. Князь В.В. Голицын в Пинеге, а барон Менгден в Нижнеколымске разводили лошадей. М.Г. Головкин занялся рыболовством в заполярном Ярманге и достиг в этом больших успехов. Некоторые ссыльные, имевшие практическую жилку, занимались даже ком-

мерцией. Бывший вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик не оставил знакомого дела и в Сибири. Он вовлек в торговые операции с туземцами свою охрану и посылал в Якутск солдат для продажи купленной им у местного населения пушнины [2. С. 642].

Благодаря образованным ссыльным в сельском хозяйстве диких сибирских уголков произошли благотворные перемены. Так и декабристы, несмотря на их многочисленность, своей хозяйственной и просветительной деятельностью влияли на социально-экономическое развитие края.

В годы сибирской каторги и ссылки мировоззрение многих декабристов претерпело значительные изменения. Прошел шок от поражения на Сенатской площади, и пришло осознание необходимости быть ближе к простым людям. В этой связи шел процесс дальнейшего развития просветительных идей в рамках декабристского мировоззрения. Не случайно И.Д. Якушкин, один из видных деятелей декабристского движения, многие годы спустя, писал: «Только с вступлением в Сибирь началось наше настоящее призвание» [9. С. 275].

Просветительство явилось той основой, которая позволила после разгрома восстания сохранить декабризм как единое и цельное течение и, в конечном счете, определила его место в общественно-политическом движении страны. Отправляясь в Сибирь, декабристы, дворяне не только по происхождению, но и складу ума, разделяли все предрассудки русской интеллигенции по поводу «мужиков»: «Народ для интеллектуалов первой половины XIX в. – это, прежде всего, объект, а не субъект социальных отношений», отношение к нему «характеризуется социальным и культурным дистанцированием», он «является объектом, массой, вследствие низкого уровня образования и просвещения» [10. С. 217–219].

Непосредственное общение с народом привело к более глубокому пониманию простых людей, их характера, образа мыслей. Ссылных запросто и радушно встречали в крестьянских избах в праздники и в будни. По словам Завалишина, «образованные люди, стремившиеся к преобразованию государства, сознавая, что труд есть исключительное основание благосостояния массы, обязаны были личным примером доказать свое уважение к труду, и, изучив ремесла не для того только, чтобы иметь себе, как говорится, обеспечение на случай превратности судьбы, но еще более для того, чтобы возвысить в глазах народа значение труда и, облагородив его, доказать, что он не только легко совмещается с высшим образованием, но что еще одно в другом может находить поддержку и почерпать силу» [11. С. 84].

Из числа осужденных Верховным уголовным судом только 43 декабриста дожили до амнистии, объявленной 26 августа 1856 г. в день коронации Александра II. Однако Сибирь, где прошла значительная часть молодости и всей жизни, стала для них второй родиной. И, несмотря на пережитые здесь тяготы, нужду, преследования, покидая ее, они отдавали ей дань благодарности и предрекали светлое будущее. Уезжая из Сибири, Розен писал: «Расставаясь со страной изгнания, с грустью вспоминая любимых товарищей, союзников, и, благословляя их, благословлял страну, обещавшую со временем быть не пугалищем, не местом и средством наказания, но вместилищем бла-

годенствия в высшем значении этого слова. Провидение, быть может, назначило многих из моих соизгнанников и многих поляков ссыльных быть основателями лучшей будущности Сибири, которая, кроме золота и холодного металла и камня, кроме богатства вещественного, представит со временем драгоценнейшие сокровища для благоустроенной гражданственности» [З. С. 319–320].

И если в предыдущий период жизни декабристы – фактически лишние люди, потерянное поколение, оставшиеся не понятыми ни властью, ни народом, то в Сибири они по-настоящему обрели и раскрыли себя. Любовь декабристов к Сибири совершенно понятна: они вложили самоотверженный труд в изучение ее природы, хозяйственное образование ее народов, создали ее поэтический образ и многое другое. Не забыли декабристов и сибиряки. Память об искателях «звезды пленительного счастья» воплотилась в многочисленные музейные и мемориальные сооружения, названия улиц, школ, библиотек, сохранившиеся и до сегодняшнего дня. Бережно хранятся в музеях и архивах Сибири портреты, рукописи, другие вещи, принадлежавшие декабристам или сделанные их руками.

Литература

1. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
2. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
3. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.
4. *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988.
5. *Жезлова Е.* Декабристы в Сибири // Наука и жизнь. 1995. №7.
6. *Федоров В.А.* Декабристы и их время. М., 1992.
7. *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1.
8. *Бойко В.П.* Предпринимательская деятельность декабристов в Сибири во второй четверти XIX в. (к постановке проблемы) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Материалы 4-х научных чтений памяти А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003.
9. *Якушкин И.Д.* Наша жизнь в Сибири // И дум высокое стремленье... М., 1980.
10. *Сабурова Т.А.* Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.
11. *Хаптагаева Э.Г.* Педагогические идеи и практика декабристов в Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып.1.